Слово молодым ученым

УДК 821.161.1.09''18''

Ю.В. Загорулькина

Об одной конфликтной ситуации — сквозь призму мифа (дядя и племянник в драматургии А.Н. Островского)

В статье рассматривается конфликтная ситуация «дядя – племянник», представленная в драматургии А.Н. Островского. Принято считать, что основой конфликтов является история, рассказанная в «Гамлете» Шекспира. Противостояние Гамлета и Клавдия, однако, не столько конкретная семейная распря, сколько архетипический конфликт. Архетипическая ситуация исследуется автором в контексте мифологического нарратива.

Ключевые слова: А.Н. Островский; драма; миф; конфликт; система персонажей.

Почему в драматургии А.Н. Островского особое внимание уделяется изображению родственных связей *дядя – племянник*? «Отбор жизненных явлений в драме производится гораздо более ремесленно и грубо, чем в лирике или эпосе», — заметил Л. Фейхтвангер [7: с. 578]. Чем мотивирован весьма часто встречающийся «отбор» именно дядюшек и племянников в качестве персонажей, противостоящих друг другу скрыто или явно и, как правило, преследующих материальные интересы (это целый ряд знаменитых пьес Островского: «Доходное место», «Гроза», «Лес», «Волки и овцы», «Последняя жертва», «Сердце не камень»)? Иногда место племянников занимают племянницы («Трудовой хлеб», «Красавец мужчина», «Не было ни гроша, да вдруг алтын»), а дядюшек — тетушки («Красавец мужчина», «Лес», «Волки и овцы»), порой племянники бесцеремонно вымогают деньги у дядюшек, как Горецкий у Чугунова («Волки и овцы»), порой пускаются на обман, как Лавр Мироныч в «Последней жертве» или Константин Лукич в «Сердце не камень». Но и тетушка может обездолить племянника («Лес»). В комедии «Бедность не порок» дядюшка, Любим Торцов, за богатством не гонится, племянницу не преследует, а спасает от деспотизма ее отца, но в системе персонажей этой пьесы все же сохраняются дяди и племянники, причем этих пар две (Любим и Люба, Гордей и Гуслин).

На первый взгляд, выбор именно такой степени родства (дядя — племянник) в драматургии А.Н. Островского не всегда мотивирован сюжетно и далеко не всегда объясняется особенностями конфликта. В социальном, психологическом или идеологическом конфликте, в конфликте поколений, в споре из-за наследства, в несогласиях из-за образа жизни могут быть представлены различные участники, конфликтующие стороны вовсе не обязательно должны быть связаны родственными узами, и уж тем более не обязательно такими, как дяди и племянники. Но именно этим персонажам в пьесах А.Н. Островского отдается заметное предпочтение.

В то же время в «Материалах для словаря русского народного языка» Островский отмечает: «У богатых (купцов) род — хозяева, а племя — слуги. — *Жить в племянниках* — значит жить в работниках, делать, что прикажут, ничего не получать, в ожидании чего-то; так же живут и племянницы, но тех обыкновенно за службу выдают замуж. (*Костром.*)» [1: т. 10, с. 499]. Итак, племянник в таком понимании — зависимый родственник (может быть, дальний) или просто сонаследник, но главное — ожидающий милостей (наследства, покровительства) от старшего, всесильного «дяди». Это тип приживальщика, приближающийся к *parasitу* античности, с той разницей, что, живя в «работниках», сознает какие-то свои зыбкие права на принадлежность к наследству «племени», рода.

В «Доходном месте» получивший университетское образование Василий Жадов — племянник высокопоставленного Вышневского, чьи личное имя и патроним (Аристарх Владимирыч) намекают на власть, могущество и даже некоторое соперничество из-за власти (Аристарх — греч. «лучший правитель», Владимир — по народной этимологии «правитель мира»). Имя же «Василий» образовано, как известно, от греческого βᾰσῐλεύς — *базилевс*. Этимология их (почти говорящих) фамилий также прозрачна, правда, в случае Жадова отражает не его постоянное качество, но внутреннюю борьбу. «Доходное место», т. е. деньги, власть, положение в обществе, одним словом, то, что может предоставить племяннику Вышневский, является аналогом «наследства», которого ожидает от Дикого Борис в «Грозе». Причем такое покровительство со стороны дяди было бы совершенно неприкрытым непотизмом, непотизмом в прямом смысле слова, чего честный и щепетильный Василий Жадов старается избежать. И все же, как и в случае с Диким и Борисом в «Грозе», именно такой вариант родства (дядя и племянник) не является сюжетно или психологически обусловленным. Если бы драматург сделал Жадова не племянником Вышневского, а сыном или другим родственником, и даже лишь подчиненным (соседом, знакомцем), к изменениям в сюжете и основном конфликте «Доходного места» это бы, как кажется, не привело.

В «Грозе» расстановка персонажей, как это давно замечено исследователями, отнюдь не ориентирована на внешний конфликт, который к тому же максимально сглажен и заслонен внутренним. К трагедии Катерины угнетение

Диким племянника не имеет никакого отношения. (Даже если бы разбогатевший и независимый Борис предложил Катерине бежать из города вместе с ним, внутренний конфликт в сознании героини остался бы неизменным.) Племянник Борис, сознающий, что милостей дяди ему не дождаться, терпит все выходки самодура, а свое изгнание из города и даже разлуку с Катериной воспринимает как должное. О Борисе еще со времен Добролюбова известно, что он «должен быть отнесен тоже к *обстановке»* [2: с. 355]. Пожалев Катерину и назвав ее «бедной девочкой, не получившей широкого теоретического образования» (sic!) [2: с. 338], критик отметил, однако, что Борис, хотя и «хватил “образования”», «никак не справится ни с старым бытом, ни с сердцем своим, ни с здравым смыслом» [2: с. 355]. В отличие от слабой, по мнению Добролюбова, теоретической подготовки Катерины, образование Бориса ни у Добролюбова, ни у других критиков не удостаивается хоть какого-нибудь сочувствия, и причину Борисовой покорности самодуру дяде Добролюбов видит исключительно в материальной зависимости, от которой никакое «образование» не спасает.

Казалось бы, взятые Островским, по выражению Добролюбова, «из самой жизни» [2: с. 310] взаимоотношения персонажей могли бы складываться точно таким же образом, если бы Борис и Дикой не назывались «племянником» и «дядей», а были другими родственниками или просто сонаследниками. Сюжетная канва «Грозы» не претерпела бы изменений, будь Борис и Дикой, например, сыном и отцом, тем более что оппозиция двух поколений, «отцов» и «детей» в творчестве Островского почти никогда не связывается с разработкой семейных психологических черт, с каким-либо психологическим (и даже внешним) сходством, преемственностью детей и родителей (в отличие, например, от характерного для толстовской типизации подчеркивания семейного, фамильного сходства персонажей в «Войне и мире», «Анне Карениной»). Достаточно вспомнить Илью Иваныча и Петра из «Не так живи, как хочется», Любима и Гордея Торцовых, безвольного Тихона и властную Кабаниху, поэтическую Ларису Огудалову и меркантильную Хариту Игнатьевну, одаренную Александру Негину и приземленную Домну Пантелевну, искреннюю Ксению Кочуеву и ханжу Снафидину, а также многих других героев и героинь Островского, которые связаны близким родством и в то же время весьма далеки, а порой даже противоположны по психологии и мироощущению.

Итак, большей частью отношения дяди и племянника в пьесах Островского связаны с дележом наследства: денег, имения. Дядюшка может обладать также определенной властью, возможностью оказать покровительство («Доходное место»). Нет оснований не учитывать и то расширительное значение («слуга», «работник»), которое придается А.Н. Островским «племяннику» в «Материалах для словаря». Во всех этих случаях дядя выступает просто в роли старшего родственника или хозяина, чаще гонителя, чем благодетеля племянника, а племянник (или просто младший домочадец, подчиненный)

почему-то терпит эти гонения. Может быть, отношения дяди и племянника у Островского наделены каким-то особым статусом в конфликте? Дядюшка помыкает племянником, но племянник *ждет чего-то,* и оба сознают, что племянник имеет какие-то права, узурпированные этим старшим родственником или хозяином. В драматургии же А.П. Чехова, в соответствии с ироническим модусом его пьес, ситуация инверсирована: «Дядя Ваня» в одноименной пьесе, Гаев в «Вишневом саде» уже не классические дядюшки, не толстосумы и не деспоты, а неудачники, сами нуждающиеся в утешении и внимающие успокоительным речам племянниц.

Итеративность ситуации «дядя – племянник» в драматургии А.Н. Островского, а тем более инверсирование этой ситуации в драматургии А.П. Чехова, отталкивающегося, как известно, от драматургических принципов своих великих предшественников и, что еще важнее, — от смысловых и идейных клише, может свидетельствовать только о том, что эта ситуация если не архетипична, то, во всяком случае, ритуальна для драмы. Как многие ритуальные действия, смысл которых забыт и уже не осознается исполнителями ритуала, ситуация «дядя – племянник» вводится в драматургию даже в тех случаях, где вполне можно было бы без нее обойтись.

Что же послужило моделью для такой системы персонажей, в которой младший и зависимый называется именно племянником, причем подчеркивается зависимость младшего от старшего, и, как правило, на первый план выдвигаются претензии на наследство? Такая расстановка персонажей в конфликте (или хотя бы констатация противоречий между персонажами) обусловлена не столько жизненным материалом (бытовым, юридическим, с которым А.Н. Островский был прекрасно знаком), сколько скрытой мифологической структурой драмы, ее «мифологической темой». (Термин «мифологическая тема», понимаемый как скрытый в сюжете произведения мифологический сюжет или конфликт, ввел испанский исследователь Alvares de Miranda (1959)).

Конфликт между дядей и племянником корнями уходит в мифологию. Однако эта сторона конфликтных ситуаций в драматургии Островского до сих пор не находила объяснения. В трактовке Добролюбова все сводилось к социальному противостоянию, в обстоятельной статье Н.С. Ганцовской взаимоотношения богатых дядюшек (тетушек) с бедным «племенем» рассмотрены как психологические, как «многогранные модели, состоящие из разнообразных человеческих черт характера: доброты, кротости, порядочности, трудолюбия, уступчивости, приниженности, безволия, с одной стороны, с др. — жадности, жестокости, властолюбия, чванства, глупости, ханжества и др.». [3: с. 498].

Думается, что проекция на миф позволит высветить еще одну грань весьма частой в пьесах Островского конфликтной ситуации. Чтобы конфликт между дядей и племянником раскрылся в полной мере, достаточно задать вопрос: кто должен наследовать освободившийся трон монарха — младший брат самодержца или его сын?

Конфликт дяди и племянника лежит в основе основного мифа Древнего Египта. В интересном исследовании О.З. Кандаурова отмечается, что вопрос, над которым «мучился еще Древний Египет», — это был «вопрос не юридический, а философско-практический» [5: с. 177]. Миф об Осирисе и противоборстве Гора и Сета — это целая история, связанная с проблемами престолонаследования. Осирис господствовал сакральное число лет (двадцать восемь), и в его планах было передать трон своему сыну Гору, однако младший брат правителя тоже имел виды на престол. С этого момента начинается конфликт, борьба соперников за власть, временные победы то одного, то другого, но «неуничтожимость ни того, ни другого превращает их единоборство в “борьбу нанайских мальчиков”» [5: с. 177]. Мастера коварного Сета изготавливают саркофаг по росту Осириса, тот ложится в гроб, примеряя его, и саркофаг быстро заколачивают гвоздями. Казалось, на этом месте Сет может вздохнуть свободно, но в дело вступает жена Осириса, Исида. Осирис воскресает, но вынужден оставаться в царстве мертвых. Вопрос о престолонаследии (Сет или сын Осириса Гор) решается на совете богов, но голоса разделились… «Как видим, вопрос: сын или *младший брат*? — не так прост, как кажется, а обладает крайней остротой и сложностью. Дело в том, что драгоценность атлантской крови разжижается с каждым новым поколением за счет включения в “производство” чужой крови второго партнера. Вот почему *младший брат* предпочтительней… Но — если братья контрастно поделили между собой свойства и качества, … то, конечно, предпочтительней сын» [5: с. 180]. Египетский миф не дает однозначного ответа на этот вопрос, и в этом его сложность, но и величие. Образ верной и добродетельной супруги, оберегающей, подобно Исиде, своего полумертвого мужа от посягательств на наследство, Островский создает в пьесе «Сердце не камень», система персонажей которой вообще может быть сопоставлена с расстановкой персонажей в египетском мифе.

В Древней Греции наследование власти и трона по-своему отражается в известном мифе о проклятии Пелопидов. Отпрыски Пелопа были вовлечены в самую кровавую в греческой мифологии семейную вражду. Пелоп был одним из претендентов на руку и сердце Гипподамии, дочери Эномая. Эномай предлагал всем женихам колесничные ристания, обещая победителю руку дочери, но никто не мог его победить. Распространен вариант мифа, по которому Пелоп пообещал Миртилу, вознице Эномая, обладание Гипподамией в течение одной ночи, если тот предаст хозяина. Миртил заменил металлическую чеку в колеснице Эномая восковой, вследствие чего колесница разбилась и Эномай погиб. Умирая, царь проклял Миртила и напророчил ему смерть от руки Пелопа. Пелоп женится на Гипподамии, и Миртил требует обещанной награды за проявленное усердие. В ответ Пелоп сталкивает возницу с высокого утеса в море, и Миртил, падая, проклинает Пелопа и Пелопидов. Вереница страшных преступлений началась с соперничества двух сыновей Пелопа, Атрея и Фиеста. Фиест в борьбе за престол соблазняет жену Атрея, Атрей

в отместку устраивает «пир Фиеста» (угощает брата жарки́м из своих племянников — детей Фиеста). Дальнейшая история, которую мы опускаем, известна уже как «проклятие Атридов» и заканчивается тем, что один из Атридов, Орест, мстит Эгисфу, своему дяде.

Эта модель не потеряла своей актуальности и в литературе Средневековья. Гамлет, или Амлет, упоминаемый в хронике Сакса Грамматика, был сыном короля Горвендиля и королевы Геруты. Дядя Гамлета по отцу, Фенге, убил своего брата короля, сам завладел троном и женился на вдове убитого. Исследователи Шекспира указывают не только на средневековые хроники, но и на миф об Оресте, причем в имени друга Гамлета Горацио порой видят еще и отсылку к египетскому Гору. Сошлемся на мысль Б.А. Гиленсона: «Исторический опыт, расширение накопленных знаний о мире и человеке дают возможность вносить дополнительные нюансы в оценку классических произведений и художественных образов. Ярчайший пример тому — Гамлет» [4: с. 104].

Сюжет о дяде и племяннике, о борьбе за престолонаследие в европейской драматургии XVI–XX вв. стал едва ли не самым распространенным. Как всегда, образцом служила античная трагедия: трилогия Эсхила «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды»), трагедии Софокла и Еврипида на тот же сюжет мести Ореста. Да и датско-ютландская история Гамлета, послужившая претекстом шекспировского творения, развивалась по вполне мифологическому древнеегипетско-древнегреческому сценарию, что и обусловило превращение ее в некую сюжетно-драматургическую модель. Сам отбор материала осуществлялся и направлялся в соответствии с мифоритуальной моделью, обусловившей законы драмы. В драматургии А.Н. Островского, с его органичным усвоением античной драмы, с его уникальным ощущением античности, которая «вошла в повседневный культурный обиход, общение с людьми и размышления самого Островского» [8: с. 27], изображение конфликтных отношений дяди и племянника порождалось не столько семейно-бытовыми и имущественными противоречиями, сколько мифологической основой. На этой основе и возрождалась каждый раз метаситуация драматургического конфликта. В известной мере и спор дядюшки с племянником в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова развивается в русле такого сценария, однако его острота в эпическом жанре заключается не в имущественном, а в идейном наследовании.

Иронический отказ от традиций конфликтной ситуации, известной по античной трагедии, выражен у Гончарова в сцене, где племянник нечаянно разбил алебастровый бюст не то Эсхила, не то Софокла и получил от дядюшки выговор за неосмотрительность. «Я заплачу!» — сокрушается племянник, но старший Адуев только машет рукой: проклятие Пелопидов ушло в прошлое… Еще большее обобщение мифологической модели находим в конфликте тургеневского романа, где спорящие об идейном наследстве «отцы» и «дети»

представлены в гораздо большей степени вообще вне родственных отношений (Павлом Петровичем и Базаровым), чем дядей (Павлом Петровичем) и племянником (Аркадием). А в «Войне и мире» в эпилоге намечается как противостояние Николеньки Болконского «дяде Николаю», так и согласие с «дядей Пьером». Можно согласиться с мыслью Е.Ю. Полтавец, что, «несмотря на иронический или полемический контекст», в котором встречаются мифологемы, «роль их заключается именно в указании на архетипический смысл ситуации» [6: с. 140]. Что же касается драмы, то, по-видимому, более тесная, чем у эпоса, связь с ритуалом делает ее и более консервативной в отношении архетипной модели.

Библиографический список

Источники

1. *Островский А.Н.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Литература

2. *Добролюбов Н.А.* Статьи. Стихотворения. М.: Московский рабочий, 1972. 456 с.

3. *Ганцовская Н.С.* Язык // А.Н. Островский: энциклопедия / под ред. И.А. Овчининой. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 496–498.

4. *Гиленсон Б.А.* Вузовский учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 1 (4). С. 97–107.

5. *Кандауров О.З.* Потрясающий копьем. Чудо английских Розенкрейцеров. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2012. 418 с.

6. *Полтавец Е.Ю.* Мифологемы горы и пещеры в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина и «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Вестник МГПУ. Филологический выпуск. 2004. № 2 (7). С. 128–140.

7. *Фейхтвангер Л.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Худ. лит., 1968. 767 с.

8. *Шаврыгин С.М.* Античные литературы // А.Н. Островский: энциклопедия / под ред. И.А. Овчининой. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 27–28.

References

Istochniki

1. *Ostrovskij A.N.* Sobr. soch.: v 12 t. M.: Iskusstvo, 1973–1980.

Literatura

2. *Dobrolyubov N.A.* Stat'i. Stixotvoreniya. M.: Moskovskij rabochij, 1972. 456 s.

3. *Gancovskaya N.S.* Yazy'k // A.N. Ostrovskij: e'nciklopediya. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: Izd-vo SHGPU, 2012. S. 496–498.

4. *Gilenson B.A.* Vuzovskij uchebnik po zarubezhnoj literature: zametki o zhanre // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2010. № 1 (4). S. 97–107.

5. *Kandaurov O.Z.* Potryasayushhij kop'yom. Chudo anglijskix Rozenkrejcerov. M.: GCTM im. A.A. Bahrushina, 2012. 418 s.

6. *Poltavecz E.Yu*. Mifologemy' gory' i peshhery' v «Kapitanskoj dochke» A.S. Pushkina i «Vojne i mire» L.N. Tolstogo // Vestnik MGPU. Filologicheskij vy'pusk. 2004. № 2 (7). S. 128–140.

7. *Fejxtvanger L*. Sobr. soch.: v 12 t. T. 12. M.: Xudozh. lit., 1968. 767 s.

8. *Shavry'gin S.M.* Antichny'e literatury' // A.N. Ostrovskij: e'nciklopediya. Kostroma: Kostromizdat; Shuya: Izd-vo SHGPU, 2012. S. 27–28.

Yu.V. Zagorulkina

On a Conflict Situation through the Lens of Myth (the Uncle and the Nephew in A.N. Ostrovsky's Plays)

The article examines an «uncle – nephew» conflict situation displayed in the plays by A. Ostrovsky. It is commonly believed, that the basis of this conflict is a story told in Shakespeare's «Hamlet». Yet, the confrontation of Hamlet and Claudius is not so much family argument as archetypical conflict. The archetypical situation is investigated by the author in the context of mythical narrative.

Keywords: A. Ostrovsky; drama; myth; conflict; system of characters.